Текст · 25 января 2023, 09:22
Павел Васильев,

В Россию — через минные поля. История восьми мобилизованных калининградцев, бежавших из ЛНР и ставших фигурантами дела о дезертирстве

В начале ноября 2022 года десятки мобилизованных из Калининградской области отправили на фронт. Спустя почти полтора месяца восемь из них отказались воевать, покинули лагерь в ЛНР, а после попытки вернуть выданное им оружие стали фигурантами дела о дезертирстве в период вооруженного конфликта. «Медиазона» поговорила с мобилизованными и их родственниками и выяснила, почему калининградцы не захотели отправляться на передовую, как смогли выбраться из Украины через минные поля и при чем тут подполковник, получивший звезду Героя России из рук президента и угрожавший военным расстрелом.

«Это не теракт, пойдем, я покажу оружие». Пулеметы в сумках

За несколько дней до Нового года у входа в один из отделов[1] полиции в подмосковном Подольске появились восемь мужчин с клетчатыми сумками. В сумках лежало разобранное оружие: АК-47, пулеметы ПКМ и РКМ.

Мужчины на пороге отдела оказались мобилизованными, которые двумя днями ранее, 24 декабря, сбежали из полевого лагеря в

оккупированной Луганской области. В полицию военные пришли, чтобы сдать автоматы и объяснить, почему они без разрешения командования ушли из расположения своей роты. Однако недоумевающие полицейские не только отказались их выслушать, но и не приняли оружие, сославшись на то, что в отделе нет камеры для его хранения.

«Говорят: "Идите куда хотите". Я аж растерялся — как такое может быть?» — вспоминает в беседе с «Медиазоной» матрос Александр Бабешко.

Бабешко, как и семь его сослуживцев, добравшихся до Подольска, — житель Калининградской области. В армию их призвали в первые дни «частичной» мобилизации, объявленной Владимиром Путиным; некоторых увозили в военкомат в день вручения повестки, не дав даже толком собраться.

В центральном отделе полиции Подольска, куда в итоге было решено поехать, военнослужащим тоже были не рады. Как вспоминает Бабешко, там ситуация была еще более комичной: сотрудник полиции, испугавшись диверсии, отказался выйти из здания, чтобы взглянуть на сумки с оружием.

«Он говорит: "Я смотреть не пойду, вдруг это теракт". Я говорю: "Это не теракт, пойдем, я при тебе вытащу сумки и разверну, покажу оружие, оно у нас разобранное". Я, говорит, не пойду — и все», — вспоминает калининградец встречу с полицейским.

Оружие удалось сдать только после звонка в экстренную службу 112. После опроса в главке за мобилизованными приехали сотрудники

военной полиции, и вскоре всех восьмерых доставили в комендатуру Подольска, где с ними разговаривали военный следователь и оперативник ФСБ. «Спрашивали, почему мы ушли, где были, где находились, откуда и как шли. Все это. Я бы не сказал, что они прямо так с пристрастием допрашивали. Им больше объяснения нужны были», — рассказал «Медиазоне» другой мобилизованный Александр Богаченок.

В итоге после опросов Богаченок, Бабешко, а также их сослуживцы Игорь Медведев, Николай Колмачев, Александр Елисеев, Денис Балахин, Дмитрий Мельников и младший сержант Евгений Кравченко стали подозреваемыми по статье о дезертирстве[2].

Согласно поправкам в Уголовный кодекс, принятым через три дня после объявления о мобилизации, им грозит от 5 до 15 лет лишения свободы.

Евгению Кравченко повезло меньше всего: следствие сочло его организатором побега из лагеря, а суд заключил под стражу. Остальных отправили в воинскую часть в закрытый подмосковный военный городок, где они находятся под надзором командования.

В разговоре с «Медиазоной» сослуживцы Кравченко настаивают, что решение о побеге из места дислокации роты в ЛНР каждый принимал сам. Им непонятно, почему следователь решил, что Кравченко был их лидером. «Это все неправда. Это было общее решение. Никого главного у нас там не было», — утверждает Богаченок.

«Пощупали, дали анкету заполнить». Мобилизация под Сватово

33-летнему оператору разводных мостов Александру Богаченку из Полесска, городка под Калининградом, повестку вручили 22 сентября, на следующий день после того, как Путин объявил о мобилизации. По словам мужчины, на сборы ему дали всего час. В этот же день он вместе с еще двумя десятками мобилизованных оказался в воинской части в Гусеве, где им выдали амуницию и направили к врачам на медкомиссию.

«Ну, как "медкомиссия": пощупали, дали анкету заполнить, спросили, чем болел, что по состоянию здоровья сейчас, болячки, инфекции — и все. И так всех прогнали по-быстрому», — вспоминает Богаченок.

Александр, проходивший срочную службу больше десяти лет назад, рассказывает, что провел в Гусеве около двух недель. За это время его и других мобилизованных пару раз возили на полигон попрактиковаться в стрельбе по мишеням. Но в основном, утверждает Богаченок, они с утра до позднего вечера стояли на плацу, а кто-то из сотрудников штаба их все время фотографировал для отчетов.

В начале октября Богаченка и других мобилизованных отправили в Калининград, в воинскую часть на улице Емельянова, где базируется 7-й отдельный гвардейский мотострелковый полк[3].

, где он с другими мобилизованными из региона стал дожидаться отправки на фронт. Там, по словам

Богаченка, он и несколько его сослуживцев сильно заболели, но кашель и хрипы в груди не стали помехой для командования. Уровень медицинской помощи военный описывает так: «В санчасти говорят: "На тебе таблетку обезболивающего, либо вот, фурацилином горло прополоскай". Не лечили ничего».

44-летний Александр Бабешко из Знаменска (оттуда же призвали и младшего сержанта Евгения Кравченко) был мобилизован примерно в то же время, что и Богаченок. Но, в отличие от сослуживца, в полку на Емельянова Бабешко оказался почти сразу. Бабешко вспоминает, что в туалетах мобилизованным приходилось смотреть друга на друга — дверей между кабинками попросту не было.

О низком уровне подготовки и плохих условиях в этой части «Медиазоне» в сентябре рассказывал один из калининградских мобилизованных.

Все будущие фигуранты дела о дезертирстве познакомились уже в калининградской воинской части. Один из них, 39-летний Николай Колмачев, еще будучи в Калининградской области, сопротивлялся мобилизации, пытаясь добиться-[4] прохождения альтернативной государственной службы. Но призывная комиссия ему отказала, как и прокуратура, где он обжаловал решение. Составить иск в суд он не успел, поскольку уже в ноябре рыл окопы в зоне боевых действий.

В начале ноября военный борт с калининградскими мобилизованными приземлился в Воронеже, оттуда их отвезли в полевой лагерь[5] вблизи Нового Оскола.

Еще через четыре дня группу мобилизованных из 70 человек вывезли под Сватово, в леса Луганской области между поселками Малоалександровка и Гладково.

Бабешко и Богаченок рассказывают, что уже тогда немного насторожились, ведь командование обещало, что участие в боях им не грозит, а главным их занятием будет охрана границ и складов. Никаких складов в лесах они не обнаружили.

Иллюстрация: Мария Гранаткина / Медиазона

«Люди без вести в этом лесу пропадают». Угрозы командования

Полком мотострелков, к которому приписали калининградских мобилизованных, командует подполковник Александр Завадский. Первая и единственная встреча с ним в полевом лагере новобранцев деморализовала.

«Он свою речь толкнул. Говорит: "У нас полк такой, у него много наград. Я не позволю никому позорить этот полк. И если что-то против меня говорить будете, знайте, люди без вести в этом лесу пропадают". Мне, говорит, проще потом вас в лесу застрелить и закопать», — вспоминает выступление подполковника Александр Богаченок.

В начале декабря Александр Завадский получил золотую звезду Героя России из рук Владимира Путина за то, что ему, как сообщали в российском Минобороны, под артиллерийским огнем удалось сорвать наступление украинцев в поселке Савинцы.

Об угрозах подполковника Завадского спустя полтора месяца следователю рассказывал[6] Николай Колмачев. «Я и все остальные восприняли эту информацию как угрозу жизни и здоровью. Эта тема долго обсуждалась в полевом лагере. Я и все поняли, что любая допущенная нами ошибка может быть фатальной для нас. Это вызвало у меня чувство безысходности и тревоги, после чего я принял решение отказаться идти на передний край», — говорится в его показаниях.

Слова Завадского были не единственной причиной, по которой восемь калининградцев вскоре решили покинуть полевой лагерь. С самого начала, утверждают Бабешко и Богаченок, мобилизованные были предоставлены сами себе, внятное командование отсутствовало, а один из офицеров беспробудно пил и затевал драки с солдатами. Дополняло эту картину скудное питание: ели два раза в сутки, причем нередко обед начинался в восемь вечера из-за того, что машина с провизией приезжала не по расписанию. «Три ложки каши на завтрак, три ложки супа и каши на обед. Хлеба мы вообще не видели», — утверждает Александр Бабешко.

Катастрофически не хватало и воды. По словам мобилизованных, полтора литра жидкости приходилось делить на четверых-шестерых человек. Военные топили снег и пили воду из ручья, в нем же

мылись при минусовой температуре. Так, по словам калининградцев, продолжалось около трех недель, к середине декабря им наконец привезли полевую кухню, хотя существенно лучше еда при этом не стала.

«Мы [как-то] с мужем созванивались. Он говорит: "Суп сегодня ел". Я ему задала вопрос какой. Он говорит: "Борщ". О, говорю, вас борщом кормят. Он говорит: "Одно название от этого борща — жирная вода и два кусочка свеклы". Я говорю: "А картоха?". А он мне говорит: "Оксана, какая картоха?"», — вспоминает свой разговор с мужем супруга Бабешко.

Единственным заданием для мобилизованных было рытье окопов и блиндажей. Но, кроме нескольких лопат и пары топоров, им ничего больше не выдали. Калининградцы рассказывают, что им пришлось скидываться на бензопилы, ножовки, генератор, буржуйки и покупать все это у жителей ближайших деревень. С выданным еще в Калининграде оружием тоже было не все в порядке, по словам Александра Богаченка, его пулемет, например, вообще оказался неисправен.

«Для сохранения жизней и здоровья». Возвращение через минные поля

В двадцатых числах декабря роте, где служили мобилизованные, сообщили, что скоро их отправят на линию фронта. Деморализованные калининградцы решили, что в таких обстоятельствах воевать они не готовы, и объявили об этом командованию. У ефрейтора Игоря Медведева тут же изъяли оружие,

а у Богаченка — его неисправный пулемет, сказав, чтобы те оставались в лагере «как отказники» и ждали дальнейших указаний.

Однако уже 23 декабря стало известно, что очередные подразделения мобилизованных должны убыть на линию фронта на следующий день. Посовещавшись, восемь калининградев[7] решили, что воевать не станут, как говорится в показаниях Колмачева, «для сохранения своих жизней и здоровья». К тому же у некоторых изъяли оружие, а отправляться на фронт без автоматов и пулеметов мобилизованные сочли самоубийством.

По словам Бабешко, он потребовал от командования разговора с военным прокурором, но ему сказали, что с ним можно будет встретиться только у линии фронта. «Это туда же, где минометы, куда все наши пацаны ушли и не все пришли. Но там уже задавать вопросы, как я понял, смысла не будет, — рассуждал Бабешко. — Оттуда я уже никак не попаду никуда. Только вперед ногами меня могут вынести оттуда».

Незадолго до побега на Колмачева, Медведева и Богаченка за отказ воевать напали их же сослуживцы, трое пьяных мобилизованных. Завязалась драка, которую, впрочем, довольно быстро разняли. Как отмечал в своих показаниях Колмачев, уходя, мобилизованные угрожали сжечь землянку вместе с калининградцами или кинуть туда гранату. Это стало еще одной причиной, по которой калининградцы решили вернуться в Россию.

В шесть часов утра 24 декабря восемь мобилизованных калининградцев ушли из лагеря,

не уведомив командование. К десяти часам вечера они были в поселке Ровеньки Белгородской области, преодолев за день около 50 километров. Александр Бабешко рассказывает, что к российской границе они вышли благодаря штабным картам, которые ему еще в лагере на смартфон закачал один из сослуживцев. «Я заложил маршрут и включил *GPS*-трекер. И вот трекер мне сохранил маршрут», — объясняет калининградец.

Позже, когда Бабешко давал объяснения об обстоятельствах пересечения границы, он узнал, что ему и его сослуживцам каким-то образом вслепую удалось преодолеть минные поля. «Это мне уже рассказал пограничник-полковник. Говорит, расскажи мне, как вы пришли, там минные поля, — утверждает калининградец. — Оказывается, я даже не знал, а если бы знал, я не знаю, может, и не пошел бы — побоялся».

Украинско-российскую границу разделяли три забора с колючей проволокой, которые военные спокойно преодолели, рассказывают калининградцы. Они переночевали в лесу под Ровеньками, купили на рынке обычную одежду, переоделись и уехали в Липецк на двух такси. Там калининградцы сняли квартиру, отдохнули и на следующий день, 26 декабря, отправились на арендованном микроавтобусе в подмосковный Подольск. «Мы хотели дальше ехать оттуда в Москву, но не поехали. Подумали, мало ли там остановит кто, блокпосты стоят. Так что доехали до Подольска и решили остановиться там», — объясняет Богаченок.

«Мама, мы идем сдаваться». Уголовное дело

После допросов и возбуждения уголовного дела по статье о дезертирстве всех, кроме Евгения Кравченко, отправили в закрытый военный городок в Московской области Чехов-3. Калининградцы живут в казарме и ждут окончания следствия. Кравченко отправили в СИЗО.

В последний раз младший сержант Кравченко связывался с родственниками по приезде в Подольск, за день до ареста. «Он мне позвонил и говорит: "Мама, мы идем сдаваться". Я, господи, чуть в обморок не упала, — вспоминает Ирина Кравченко разговор с сыном. — Говорю: "Куда сдаваться?". Ну, вот он мне стал объяснять буквально в нескольких словах: "Мы сбежали, идем сдавать оружие и правду искать". Что-то в таком духе. То есть они хотели рассказать, что там [на фронте] происходит».

До мобилизации 33-летний Кравченко жил в Знаменске и ездил на работу в Калининград, где занимался отделочными работами. Первым под мобилизацию в двадцатых числах сентября попал его старший брат Михаил, рассказывает Ирина Кравченко. Евгений не стал ждать, когда домой принесут повестку, и отправился в военкомат вслед за братом.

Сына она называет «парнем не из трусливых» и очень выносливым — долгое время он занимался академической греблей. «Когда я сказала отцу, что наш Женя убежал, он говорит: "Ну, если Женя убежал, это дорогого стоит. Он крепкий парень в принципе.

Значит, что-то там очень случилось серьезное"», — говорит женщина.

Адвокат Евгений Савескул, защищающий семерых калининградцев, в том числе Кравченко, в беседе с «Медиазоной» предположил, что арест последнего как возможного организатора побега может быть связан с его званием.

«Во-первых, он один из них единственный младший сержант, остальные все — матросы, ефрейтора и рядовые. А он, как бы, со званием, младший начальствующий состав», — говорит Савескул. По его словам, обвинения предъявлены только Кравченко, остальные семь человек в статусе подозреваемых.

Под арестом Кравченко будет находиться минимум до 27 февраля. По словам Ирины Кравченко, ее сын в СИЗО в Серпухове. Его старший брат продолжает воевать в Запорожской области.

Редактор: Мария Климова

---

1. Городской отдел полиции № 1, расположенный на улице Космонавтов, 7.
2. Им вменяют часть 3 статьи 338 УК: дезертирство группой лиц, совершенное организованной группой в период мобилизации или вооруженного конфликта.
3. Полное название — 7-й отдельный Гвардейский мотострелковый Пролетарского Московско-Минского ордена Ленина, дважды Краснознаменного, орденов Суворова и Кутузова полк.
4. Об этом говорится в его показаниях по уголовному делу, копия протокола есть в распоряжении «Медиазоны».

5. Хронология событий основана на рассказах Александра Богаченка, а также показаниях Николая Колмачева и Александра Бабешко.
6. Имя командира полка в своих показаниях Колмачев прямо не называет. Однако в беседе с «Медиазоной» трое подследственных подтвердили, что речь идет о Завадском.
7. Уже упомянутые в этом тексте Богаченок, Бабешко, Медведев, Колмачев, Елисеев, Балахин, Мельников и Кравченко.